

**«Хэппиэнды» Ярославы Блажковой
(Чехословакия – Канада – Словакия)**

Широкова Людмила Федоровна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование

Широкова Л. Ф. «Хэппиэнды» Ярославы Блажковой (Чехословакия – Канада – Словакия) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 286–297. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.15

Статья поступила в редакцию 25.01.2024.

Рецензирование завершено 25.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Ярослава Блажкова (1933–2017) принадлежала к поколению словацких писателей, пришедших в литературу в конце 1950-х – начале 1960-х гг., к поколению бунтарей-«шестидесятников», собравшихся вокруг журнала «Млада творба». Первыми произведениями, сделавшими имя писательницы известным, стали новелла «Нейлоновый месяц» (1961) и сборник рассказов «Ягненок и гранды» (1964). В 1968 г. Блажкова с семьей была вынуждена покинуть страну и до конца жизни оставалась в Канаде. В 1970–1980-е гг. она занималась журналистской деятельностью, сотрудничала с чешскими писателями-эмигрантами Й. Шкворецким и З. Саливаровой. После «нежной революции» 1989 г. она получила возможность приезжать на родину, выступать в печати, публиковать книги. В Словакии вышли ее сборники «...Как на поздравительной открытке» (1997), «Свадьба в Кане Галилейской» (2001), в которые были включены и рассказы 1960-х гг., а затем написанный уже в начале 2000-х гг. роман в письмах «Хэппиэнды» (2005), основанный на собственном драматическом опыте писательницы ухода за тяжело больным мужем, на ее воспоминаниях и размышлениях, проникнутых иронией и оптимизмом. В 2000-е гг. в Словакии были изданы и стали успешными книги Блажковой для детей и юношества.

Ключевые слова

Словацкая литература, эмиграция, роман, повествователь, автобиографический герой.

Лишь немногие из словацких писателей, которые приобрели известность в 1950–1960-е гг., уехали из страны после августа 1968 г.; кроме Ярославы Блажковой (1933–2017), можно назвать еще Ладислава Мнячко (1919–1994), автора произведений о войне и публицистических рассказов о репрессиях 1950-х гг. Идеологический зажим, партийные чистки, исключение из Союза писателей, запрет на профессию коснулись многих писателей, переводчиков, журналистов, активно выступавших за реформы «Пражской весны». При этом большинство литераторов предпочло «внутреннюю эмиграцию» и работу «в стол» – временную, до середины 1970-х – начала 1980-х гг. (В. Шикла, Я. Йоганидес, Л. Баллек, Л. Тяжкий и др.) или вынужденно более длительную, вплоть до «нежной революции». Уникальным для словацкой литературы периода «нормализации» примером диссидента, оставшегося в стране и подвергшегося политическим репрессиям, стал один из крупнейших писателей 1940–1960-х гг. Д. Татарка (1913–1989).

Я. Блажкова родилась в чешском городе Вельке Мезиржичи, но в 9 лет переехала с родителями в Братиславу. Здесь она окончила женскую гимназию и, обладая литературными склонностями, поступила на философский факультет Университета Коменского. Параллельно работала в редакции молодежной газеты «Смена», в середине 1950-х гг. публиковала там заметки, репортажи и краткую прозу. За одно из таких произведений, а также за резкие политические высказывания ее уволили, и ей пришлось несколько лет работать на городском предприятии садоводства и благоустройства (как позднее А. Дубчеку в 1970-е гг.).

В литературу она вошла, или скорее – ворвалась, в 1961 г., опубликовав новеллу (микророман) «Нейлоновый месяц». На преобладающем фоне произведений тех лет, посвященных событиям войны и Словацкого национального восстания (В. Минач, Р. Яшик, Л. Тяжкий), камерное повествование о частной жизни молодых современников, горожан-интеллигентов с их творческими исканиями и эротическими порывами вызвало и огромный читательский интерес, и целую волну критики. Признавая присущую прозе Блажковой и ее поколению в целом способность «отражать аутентичные жизненные ситуации молодых людей и характерные черты их психики, выявлять

чувствительные точки их конфликтов с поколением отцов», критики упрекали ее в «мелкотемье, информативной бедности, заигрывании со вкусами читателя»¹.

Блажкова со своим свежим взглядом на мир, экспрессивной стилистикой и субъективностью художественного высказывания вошла в круг молодых словацких литераторов, так называемого «Поколения “Младой творбы”» (по названию журнала), во многом определивших лицо словацкой поэзии, прозы и критики на долгие годы. Успех ее первой книги был закреплен снятым в 1965 г. фильмом. В 1964 г. Блажкова опубликовала вторую книгу – сборник рассказов «Ягненок и гранды», в центре которых также молодые герои, бунтующие против косности и формализма, всего старого и отжившего.

Популярности добавили ей и несколько успешных книг для детей («Салют для дедушки», 1962; «Мой классный брат Робинзон», 1968 и др.). Последняя из написанных в Чехословакии детских книг, «Сказки из красного чулка», была изъята из продажи и уничтожена после того, как Блажкова с мужем, чешским философом и публицистом Душаном Покорным, и двумя сыновьями эмигрировала в Канаду. Августовские события 1968 г., подавление «Пражской весны» и угроза политических репрессий побудили мужа Блажковой принять приглашение в университет Торонто; затем семья переехала в г. Гуэлф в Онтарио, где писательница оставалась до конца жизни.

Причин для эмиграции было много: это и обоснованные опасения преследования и мужа, и самой писательницы, диссидентов, активно противостоявших партийным властям и выразивших громкий протест против ввода в Чехословакию войск Варшавского блока. Блажкову, по ее словам, заочно, «после отъезда приговорили к двум годам тюремного заключения. Уже и не знаю, за что, да меня это и не интересовало»², вскоре исключили из Союза писателей и наложили запрет на ее уже вышедшие книги и на публикацию новых. Беспокоило ее и будущее сыновей-подростков, которые не смогли бы поступить в вузы и были бы поражены в правах, как многие дети инакомыслящих в 1970-е гг.

1 Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrik V. Biele miesta v slovenskej literature. Bratislava, 1991. S. 85.

2 Opoldusová J. Jaroslava Blažková – originálna spisovateľka aj symbol odvahy. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/420719-originalna-spisovatelka-jaroslava-blazkova-bola-symbolom-odvahy/> (дата обращения: 20.11.2023).

В Канаде Я. Блажкова провела почти 50 лет, весь остаток жизни: в 1968–1988 гг. она жила в Торонто, а с 1988 г. – в расположенном неподалеку от Гуронского озера университетском городке Гуэлфе, ставшем местом действия ее поздних произведений.

Начиная с 1989 г. она несколько раз приезжала на родину и в беседах с журналистами делилась своими мыслями о писательском труде и опыте выживания в эмиграции: «Это было тяжело. Я пыталась заниматься там разными делами, но все это не имело большого успеха, ведь мой английский язык был далек от совершенства. Мне приходилось постепенно вращаться в среду, знакомиться с ней»³. Блажкова использовала любые возможности, чтобы продолжать литературную работу, находила связи с единомышленниками: «Я, конечно, писала. Какие-то мои тексты играли в тамошнем “Черном театре”. [...] Кроме того, я работала на радио, в словацкой редакции СВС в Монреале. А когда в Канаду приехал Йозеф Шкворецкий со своей женой Зденой Саливаровой и они основали издательство “68 – Sixty eight Publishers”, я долгое время сотрудничала с ними»⁴ в качестве редактора издательства в 1978–1989 гг. До этого, в 1976–1978 гг., Блажкова выполняла обязанности главного редактора журнала землячества чехов и словаков в Торонто «Новая родина» и, по ее признанию, написала за это время тонны материалов на словацком и на чешском языке, освещая далекие от собственных творческих интересов, но волнующие читателей темы, от футбола до политики, и подписываясь под ними разными именами. Тем не менее она понимала ограниченность своих возможностей, обусловленную прежде всего языковым барьером и чуждым окружением, разрывом привычных человеческих и социальных связей. «Язык и близкая, знакомая среда – питательная среда для писателя. Поэтому эмиграция для нас и для артистов – наверно, самое страшное, что может случиться»⁵.

Блажкова утратила контакты и с прежним литературным кругом в Словакии, со своими сверстниками по писательскому поколению, которые в 1970–1980-е гг. продолжили создавать и публиковать свои произведения, тем самым включившись в сферу «официальной» литературы. Позднее она высказывалась об этом с горечью: «Я долго

3 Jaroslava Blažková: Emigrácia je pre spisovateľa hádam to najstrašnejšie. URL: www.sme.sk/c/2504055/jaroslava-blazkova-emigracia-je-pre-spisovateľa-hadam-to-najstrasnejšie.html (дата обращения: 21.11.2023).

4 Ibid.

5 Ibid.

не могла читать современных словацких авторов [...]. Я избегала этого не из враждебности, а из чувства самосохранения. Наверно, я утонула бы в слезах, если бы стала читать Винца Шикуну или Яна Йоганидеса, Виликовского или других своих приятелей»⁶.

Лишь спустя несколько лет после «нежной революции» и образования независимой Словакии Я. Блажкова смогла решиться на возвращение в словацкую литературу, согласившись на предложение женского феминистского писательского объединения «Аспект» опубликовать избранное из ее произведений 1960-х гг. В 1997 г. в издательстве «Аспект» вышла книга «...Как на поздравительной открытке», включившая в себя «Нейлоновый месяц» (в названии – одна из фраз этой новеллы) и рассказы из сборника «Ягненок и гранды».

Опыт сотрудничества оказался удачным, и в 2001 г. то же издательство опубликовало второй ее сборник, «Свадьба в Кане Галилейской», куда вошли одноименная большая новелла конца 1960-х гг., которую Блажкова не успела напечатать в ЧССР, и 7 рассказов, написанных ею уже в эмиграции.

Титульная новелла очень похожа по тональности и экспрессивной стилистике на другие произведения Блажковой 1960-х гг. Действие происходит в Словакии, однако, в отличие от предыдущих новелл, – не в столичной Братиславе, а в отдаленной деревне, во время сельской свадьбы. Две центральные героини, тридцатилетние женщины, бывшие школьные подруги, утратили прежнюю близость, самоощущение каждой соотносится с их средой. Они представляют, как это часто бывает в произведениях Блажковой, два противоположных типа: обыватель и интеллеktуал. Бойкая и самодовольная Маришка, художница-керамистка из старинного рода потомственных гончаров, шумно радуется предстоящему замужеству, не замечая косых взглядов деревенских сплетниц. Интеллигентная жительница Братиславы Нела, флейтистка из оркестра Национального театра, страдает от неразделенной любви и чувствует себя чужой среди общего веселья, в котором подмечает порой фальшивые нотки. Грандиозная свадьба разворачивается в соответствии с местными традициями, по строгому сценарию, несмотря на проливной дождь, напоминание о котором проходит рефреном через все повествование: «Она тридцать лет ждала этого дня, она и деревня. И пусть хоть гром гремит, она пойдет в белом платье, а две маленькие подружки невесты понесут за ней шлейф из тридцати метров тюля, шесть музыкантов выстелют

⁶ Ibid.

перед ней дорогу своими нотами и восемьдесят восемь гостей пойдут по лужам вслед за нею»⁷.

Рассказы, написанные Блажковой уже в Канаде, более камерны, сдержанны по стилистике, описываемые здесь реалии по преимуществу канадские. Герои, а это в основном словаки-эмигранты, вполне благополучны в материальном плане, но каждый из них по-своему переживает тяжелые жизненные ситуации. Сорокалетняя Кристина («История весталки») тщетно пытается спасти свой кажущийся успешным брак с инженером Зварой, уговорив его поехать в отпуск в романтическую рыбацкую деревушку на берегу океана: жилье оказывается тесной хижинкой, воды Атлантики – ледяными, а муж продолжает бурную переписку с давней возлюбленной. Невозможность вернуться на родину, чтобы проститься с умершей сестрой, тяготит Хельгу («Панихида по Жофинке») и вызывает в ее ностальгических беседах с подругой-повествовательницей массу светлых и тяжелых воспоминаний о доме: «Память Хельги напоминает ее сумочку. В разных кармашках и отделениях можно обнаружить то затерянное письмо, то выцветшую фотографию, то полузабытое имя, колечко, а то и яйцо веретенницы или зуб василиска»⁸. Жизнь словацкой семейной пары в Онтарио («Гурон») омрачает тяжелая болезнь мужа и растущее ощущение угрозы, которое испытывает его жена, замечая в окрестностях странного незнакомца в черном; рассказ заканчивается сообщением в местной газете о ее убийстве и поджоге дома. Эмиграция усугубляет давнишний разлад между матерью и сыном, замкнувшимися в себе после безуспешных духовных поисков в Тибете («Сад земных наслаждений»).

Следующая книга Блажковой, «Хэппиэнды» (2005), возникла также по инициативе объединения «Аспект», пригласившего писательницу поучаствовать в серии произведений о женских судьбах. Материалом для книги послужил ее собственный опыт ухода за тяжело больным мужем и жизни в замкнутом кругу обитателей маленького канадского поселка в предместье Гуэлфа. Однако содержание книги намного шире, оно включает в себя и размышления о безысходности настоящего и светлых моментах прошлого «у нас дома», и наблюдения за нравами местных жителей, за погодными аномалиями и за курьезами собственного сознания, склонного видеть во всем смешное и позитивное, в духе ее любимого девиза «В старости

⁷ *Blažková J.* Svadba v Káne Galilejskej. Bratislava, 2001. S. 11.

⁸ *Ibid.* S. 183.

человек нуждается в оптимизме, если хочет ее пережить»⁹. «Это проза, обращенная “вовнутрь”, хотя и говорит о вещах (людях, историях) из внешнего мира, это прежде всего субъективное, даже интимное высказывание»¹⁰, – замечает в рецензии Э. Фаркашова.

По жанру это роман в письмах, адресат которых – старинная подруга повествовательницы Э. (Эва Лиманова). В одном из интервью Блаžкова объясняет свой замысел построения книги тем, что в эмиграции она долгие годы вела активную переписку с самыми разными людьми: «Я привыкла с массой подробностей писать обо всем, что пережила, что происходит вокруг, при этом даже не подозревая, что это была некая замещающая форма моей литературы, [...] некий акт самосохранения»¹¹.

Каждая из 13 небольших главок-писем посвящена какому-то конкретному эпизоду из жизни Ярославы (или Джары, как ее на английский манер называют соседи); тему задает краткое, часто иронически-иносказательное название, а завершает письмо столь же шутовская подпись. Круг персонажей романа весьма узок: это сама автобиографическая рассказчица; ее муж, в недавнем прошлом «строгий господин профессор», «могучий дуб, который в гневе мог превратиться в разъяренного дракона», а после инсульта ставший «тихим ягненок, с кроткой голубиной улыбкой»¹², и жена называет его Душечка, Дитя, Бедняжка, Птенчик. Кроме того, к ближайшему окружению относятся пожилые обитатели двух других коттеджей по соседству (главка «Бермудский треугольник»), которых рассказчица описывает весьма саркастически. Один «угол треугольника» – это супружеская пара из Голландии: бывший школьный сторож болен лейкемией и с воодушевлением готовится к собственным похоронам, начищая ботинки, в то время как его жена изучает красочные проспекты морских круизов, куда каждое лето вывозит безропотного мужа. Второй его «угол» – пожилые супруги из Британии со схожими проблемами: бывший школьный сторож, которого время от времени отвозят

⁹ *Blažková J.* Happyendy. Bratislava, 2005. S. 198.

¹⁰ *Farkašová E.* Happyendy – Jaroslava Blažková – Múdrost' nažitého. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/happyendy-jaroslava-blazkova-mudrost-naziteho> (дата обращения: 10.02.2024).

¹¹ *Jurík L.* Jaroslava Blažková: Prečo mám takú ostrú pamäť? URL: <https://noveslovo.eu/archiv/jaroslava-blazkova-preco-mam-taku-ostru-pamat/> (дата обращения: 19.11.2023).

¹² *Blažková J.* Happyendy. S. 133.

в хоспис, а потом возвращают домой, а его жена негодует, что приходится то привозить, то увозить его халат и тапочки. Вторая «сторожиха» – агрессивная пессимистка и «идейный оппонент» Ярославы, для которой оптимизм, юмор – не только основа ее характера, но и способ выжить в тяжелой ситуации. Свое семейное гнездо рассказчица обозначает как «нижний угол треугольника», «наш славянский домик», в котором она самоотверженно опекает своего «великолепного мужа, который после удара превратился в птичку, беспомощного бедняжку»¹³.

Главка «Цианид» посвящена отношениям с выросшими детьми, но начинается с переживаний рассказчицы по поводу необычного события – масштабного блэкаута, охватившего территории Канады и США, когда в полной темноте и тишине, без привычных звуков телевизоров, пылесосов, громкой музыки вдруг стали слышны голоса природы, щебет птиц и звон цикад. Ее больному мужу стало от всего этого плохо, но младший сын не почувствовал ее тревоги и стал давать ей по телефону советы по здоровому образу жизни, продиктовал рецепт чудодейственного питья из органических компонентов с лимоном и особым «цианидовым перцем», очищающим зашлакованные сосуды и способствующим похудению. Рассказчица с самоиронией замечает: «Через неделю я-таки купила лимон и не “цианидовый”, а простой черный перец, развела все это водой из-под крана и теперь пью по утрам. Но никакого воздействия на лишний вес не заметила. И подпись под этим письмом: «Твоя верная, хоть и не органическая, зато изрядно посыпанная цианидом, Я»¹⁴.

В главке «Азарты» Блажкова затрагивает тему ограничений и рисков, связанных с преклонным возрастом, иронизируя над слоганом из местной газеты – призывом «Жить нужно с азартом». Как вариант сильного риска она предлагает участие в близящемся Хэллоуине или ночную вылазку в парк, где продают наркотики вьетнамские гангстеры. И здесь в повествовании всплывает аллюзия на словацкую литературную тусовку начала 1960-х гг.: «Я могла бы купить чудодейственные белые колесики и снова начать продуцировать свежие, полные энергии тексты. Как когда-то мы, подающие большие надежды молодые мастера словацкой литературы, поедали дексферметразин»¹⁵

13 Ibid. S. 12.

14 Ibid. S. 23.

15 Распространенные в 1960-е гг. таблетки-стимуляторы, разновидность амфетамина.

и писали так, что в ушах свистело!»¹⁶; а затем подробно описывает личный рецепт прозаика Яна Йоганидеса. Теперь же единственное, что можно себе позволить, – «остаться дома, в тепле, охранять своего Бедняжечку, и как максимум – читать торонтскую “SUN”, целиком посвященную ужасам в Онтарио»¹⁷.

Невеселые воспоминания о жизни в ЧССР всплывают у Блажковой в разгар канадской зимы со снежными заносами и ледяными панцирями на тропинках возле дома. Главка с названием «Сварим себе шодо» отсылает к фразе из «прежней жизни», когда небогатая молодежь хотела порадовать себя чем-то изысканным, что сводилось в конце концов к кофе по-турецки. С горькой иронией Блажкова пишет: «Это были чудесные дни на Клеменсовой улице, где мы весело проводили время, пока наши братья не освободили нас от жизней, которые нам было суждено прожить»¹⁸. Драматический финал окрасил воспоминания о молодости в Чехословакии в мрачные тона: «Все фотографии, включая свадебные, были черно-белые, и только в жизни после “трансплантации” появились цветные»¹⁹. Однако письмо Блажкова заканчивает на шутивной ноте, обращаясь к Э. с приветом «из метелей, сугробов и не занесенных снегом воспоминаний, подсахаренных ностальгией – хотя сахар, конечно, – белый яд»²⁰.

В главке «Мышь» Блажкова рассказывает о личной «творческой лаборатории» – тетради, куда она записывает свои впечатления, мимолетные наблюдения, обрывки мыслей и идей, в шутку называя тетрадку «Идейником» по аналогии с «Дневником». «Это такая ментальная кладовка», – уточняет она и предлагает своему адресату Эве (и читателям) «несколько сухариков с полки»²¹. Например, «Из письма моей бабушки, которое она написала мне уже в эмиграции»: «Ах, какое у тебя БЫЛО прекрасное будущее!»²², или «Название для еще не написанной книги: “Удушение и другие акты любви”»²³. И признается: «В глубине души я, наверно, надеюсь использовать все это, замесив в тесто какого-нибудь подходящего рассказа»²⁴.

16 *Blažková J.* Happyendy. S. 33.

17 *Ibid.* S. 34.

18 *Ibid.* S. 80.

19 *Ibid.* S. 83.

20 *Ibid.* S. 93.

21 *Ibid.* S. 61.

22 *Ibid.* S. 65.

23 *Ibid.* S. 68.

24 *Ibid.* S. 71.

Последней публикацией Я. Блажковой в Словакии стала книга о ее раннем довоенном детстве «Этот ребенок ненормальный. Из воспоминаний избалованной доченьки» (2013). В ней писательница рисует яркие образы моравской природы, восстанавливает черты близких людей, с неизменной самоиронией пишет о своем восприятии мира взрослых. По словам рецензента, книга «отражает детский взгляд на окружающее, не искаженный ни более поздней переоценкой, ни нравоучительными нотками. Это чрезвычайно органичный синтез видения тогдашнего ребенка и сегодняшней взрослой женщины»²⁵.

В одном из интервью на вопрос журналистки, ощущает ли она себя в большей степени канадской или словацкой писательницей, Блажкова ответила: «Больше всего я ощущаю себя человеком, который лучшую половину жизни прожил в Словакии, а вторую – в Канаде. Есть здесь и биологический момент – у каждого человека только одно детство и одна молодость с первыми влюбленностями, а уже дальше он хоть и живет, но без столь сильного эмоционального резонанса»²⁶. На вопрос, вышла ли уже книга «Хэппиэнды» по-английски, Блажкова отвечала: «Еще нет, но должна выйти в Канаде. “Нейлоновый месяц” вышел в Британии в серии рассказов. Но в последних книжках я уже представляюсь как словацкая писательница с Гуронского озера»²⁷.

После 1989 г. имя Ярославы Блажковой в полной мере вернулось в контекст словацкой литературы, а ее произведения даже вошли в школьную программу.

Источники и литература

Blažková J. Happyendy. Bratislava: Aspekt. 2005. 198 s.

Blažková J. Svadba v Káne Galilejskej. Bratislava: Aspekt. 2001. 278 s.

Farkašová E. Happyendy – Jaroslava Blažková – Múdrosť nažitého. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/happyendy-jaroslava-blazkova-mudrost-naziteho> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵ *Moravčíková M.* To decko je blázon – Jaroslava Blažková. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/decko-je-blazon-jaroslava-blazkova> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁶ Jaroslava Blažková: Emigrácia je...

²⁷ Ibid.

Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrik V. *Biele miesta v slovenskej literature*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1991. 261 s.

Jaroslava Blažková: *Emigrácia je pre spisovateľa hádam to najstrašnejšie*. URL: www.sme.sk/c/2504055/jaroslava-blazkova-emigracia-je-pre-spisovateľa-hadam-to-najstrasnejsie.html (дата обращения: 21.11.2023).

Jurík E. Jaroslava Blažková: *Prečo mám takú ostrú pamäť?* URL: <https://noveslovo.eu/archiv/jaroslava-blazkova-precu-mam-taku-ostru-pamat/> (дата обращения: 19.11.2023).

Moravčíková M. *To decko je blázon – Jaroslava Blažková*. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/decko-je-blazon-jaroslava-blazkova> (дата обращения: 10.02.2024).

Opoldusová J. Jaroslava Blažková – originálna spisovateľka aj symbol odvahy. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/420719-originalna-spisovatelka-jaroslava-blazkova-bola-symbolom-odvahy/> (дата обращения: 20.11.2023).

References

Blažková, J. *Happyendy*. Bratislava: Aspekt. 2005, 198 p.

Blažková, J. *Svadba v Káne Galilejskej*. Bratislava: Aspekt. 2001, 278 p.

Farkašová, E. *Happyendy – Jaroslava Blažková – Múdrosť nažitého*. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/happyendy-jaroslava-blazkova-mudrost-naziteho> (accessed: 10.02.2024).

Hvišč, J., Marčok, V., Bátorová, M., Petrik, V. *Biele miesta v slovenskej literature*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 1991, 261 p.

Jaroslava Blažková: *Emigrácia je pre spisovateľa hádam to najstrašnejšie*. URL: www.sme.sk/c/2504055/jaroslava-blazkova-emigracia-je-pre-spisovateľa-hadam-to-najstrasnejsie.html (accessed: 21.11.2023).

Jurík, E. *Jaroslava Blažková: Prečo mám takú ostrú pamäť?* URL: <https://noveslovo.eu/archiv/jaroslava-blazkova-precu-mam-taku-ostru-pamat/> (accessed: 19.11.2023).

Moravčíková, M. *To decko je blázon – Jaroslava Blažková*. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/decko-je-blazon-jaroslava-blazkova> (accessed: 10.02.2024).

Opoldusová, J. *Jaroslava Blažková – originálna spisovateľka aj symbol odvahy*. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/420719-originalna-spisovatelka-jaroslava-blazkova-bola-symbolom-odvahy/> (accessed: 20.11.2023).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.15

L. F. Shirokova

**“Happyends” by Jaroslava Blažková
(Czechoslovakia-Canada-Slovakia)**

Liudmila F. Shirokova

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation

Shirokova L. F. “Happyends” by Jaroslava Blažková (Czechoslovakia-Canada-Slovakia) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 286–297 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.15

Received: 25.01.2024.

Revised: 25.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

Jaroslava Blažková (1933–2017) belonged to the generation of Slovak writers who came to literature in the late 1950s and early 1960s, to the generation of rebels of the “sixties” who gathered around the magazine *Mladá Tvorba*. The first works that made the writer’s name famous were the short story “Nylonový mesiac” (1961) and the collection of short stories “Jahniatko a grandí” (1964). In 1968, Blažková and her family were forced to leave the country and remained in Canada for the rest of her life. In the 1970s–1980s, she was engaged in journalistic activities and collaborated with Czech emigrant writers J. Škvorecki and Z. Salivarová. After the “gentle revolution of 1989” she got the opportunity to come to her homeland, appear in print, and publish books. In Slovakia, her collections “...ako z gratulačnej karty” (1997), “Svadba v Káne Galilejskej” (2001) were published, which included stories from the 1960s, and then written in the early 2000s. a novel in letters “Happyendy” (2005), based on the writer’s own dramatic experience of caring for her seriously ill husband, on her memories and reflections, imbued with irony and optimism. In the 2000s. In Slovakia, Blažková’s books for children and youth were published and became successful.

Keywords

Slovak literature, emigration, novel, narrator, autobiographical hero.